

Светлой памяти Светланы Гурьевны Савиной

ПОЭТИКА ИКОНЫ. ОЧЕРКИ ОЧЕВИДНОГО.

/Лирическое проникновение в образ. Опыт личного предстояния/

Дерзну ли? Высказаться о несказанном, о том, что вовсе не предполагает слов, касающихся сущностных суждений о предмете. Слов, неизбежно вторичных к умозрению в красках, откровению в цвете, богословию в Боге Слове. Бог отображённый, пожалуй, и не ищет иных слов к Себе, явленному осязаемо, кроме слов молитвы, не предполагает иных действий, кроме Бого – служения предстоящих, созерцающих и внемлющих. «В доме Отца обителей много», - несть им числа, несть числа образам Божиим, явленным как в людях, так и в иконах, сокровенным до времени, утраченным безвозвратно.

Безчисленны истории-жития икон, исполненные чудесных явлений, переплетений с судьбами человеческими, обыденными житейскими обстоятельствами, чудесно изводящие пути человечьи из пространств обыденности, соединяющие с неисследимыми путями Божиими. Ручейки жизней, осиянные иконами, одухотворённые и во-ображённые образами сплетают тугую и внятную ткань истории, которую уже не отделить от образа, не разрушив - всего, не истоптав святыни. Образ высокого, трепетного отношения человека к человеку, как образу Божию – живому, почти неотличимому от отношения к образу Божию в иконе нам остался во множестве нюансов традиции бытового

благочестия, суть которого мы можем уже и не различать нынче. Например, обыкновение приветствовать друг друга поцелуем, лёгким поясным поклоном, - прежде ему могло приветствовать и крестное знамение на образе Божиим в себе, и поклон, земной даже, и снятие мужчиной убора с головы. Совершенно так же приветствовали образ Божий в иконе. Так же, благочестиво прикладывались к образу Его в ближнем. Но не о традиции благочестия хочется высказаться, не об утерянном, либо оставшемся. В переданном нам и оставшемся донныне жизненном обычае осторожного и благодарного отношения к образу Божиюму – в совершенно различных проявлениях его. Что я смогу сказать об этом, не зная изнутри, угадывая очертания бывшего благочестия в явленных ныне останках минувшего. Просится иное: высказаться о возникшем некогда и укоренившемся – опыте личного видения образа Божиего в иконе, такой, как она сей час приходит к нами об опыте предстояния перед этим образом. Словом, как поцелуем приветствия, любви и почитания – приложиться к нему. Дерзну ли? Безчисленны каноны и традиции, национальные и природные особенности, местные колориты, обретаемые в иконе. Безчисленны оттенки духа ворожащего времени, богословского и исторического напряжения либо расслабления, привносимые в открывающийся образ. Обретаются и чествуются копии неведомых оригиналов и оригиналы исследованные, атрибутированные. Почитаются особым поминовением и торжеством церковным отдельные «жития» славных просиявших икон. Одни из них - пронизательно увлекают, иные оставляют безучастным, одни созданы талантливо, изведены духовно из глубин сердечных, иные - иначе. Рождаются новые и новые пошибы, изводы, как новые грани явленного кристалла, которые всё более раскрывают сияние являемого и вовлекают в него.

Удивительно осознание того, что в самом сущностном смысле, совсем не утилитарном, всё это уже не имеет уже почти никакого значения. И как Дух дышит, где хочет, так и чудо теофании является совсем не там, где мы могли бы ждать его. Как явилось дивное миро, обильно истекая с пальчиков стопы ангела на безыскусной оптинской копии рубливской Троицы, тогда, как само Андреево диво, благословенное преподобным Сергием, чудо, зримо уневестившее Русь Троице,.. не облагодатствовано истечением видимого благоуханного, воодушевляющего знака присутствия Божиего. Гадать о смыслах сего можно длительно и безнадежно до тех пор лишь, пока ни склонишь голову и ни отринешь упования на разум и не попросишь Бога об откровении смысла такого присутствия Своего. И открывает Господь, некоторое разумения всем небезучастным. Так, например, истечение мира с ножки ангела, из ока Предтечи в оптинской алтарной преграде, открылось позже как знак приуготовления ко грядущей вскоре мученической кончине иноков и вместе с тем - явлением торжества Божиего о встрече новых свидетелей Своих в сонме святых.

Дерзну ли? Замахнуться пером, остриём своего личного, нет, не понимания, - ощущения и видения, мнительного своего, да простит святой Игнатий, прилежания и любви – к иконе. Любви, открывшейся исподволь новым незнакомым ощущением глубоко внутри, в далёком некрещеном детстве, когда в тёмном единственном храме города, удивившись и слегка испугавшись увиденного, чуть удивившись и смущённо поёжившись – заметил пожилую женщину, припадающую поцелуем к ножкам неведомого мне Бога на огромном распятии...

Запах нашатырного спирта от ватки в руках преподавателя изостудии, и замороженному, остолбенелому мальчишке, заглядывающему через плечо взрослого волшебника является зримое чудо – цвет восхитительной, удивительно холодной алой киновари, небесных лазуритов, солнечных охр и ослепительных белил, очертания образа из – под тёмного покрыва грязи, нет священного охранительного покрыва, сберегавшего сокровенное до времени. И вот это время, в котором я, ребёнок, удостоен встречи с этим внезапно явленным в невиданной чистоте – цветом. И не знал ещё, как губителен нашатырь к темпере, как беспощадно он зажелтит пробела, обезнадёжит и сгустит киноварь, а дивные (уж не итальянские ли - венецианские?) лазуриты обратит в празелень... Слава Богу, Он не дал мне тогда увидеть этого бесславия и оставил один восторг открывшегося торжества образа, явленного мне впервые. Оставил непоруганным взрослым невеждой – откровение цвета, исхождение к нам в изостудию – неведомого прежде образа от только что чёрной, закопченной, старой липкой доски...

Это – осталось. И через многие – многие годы позвало к себе, вернуло из дальнего забытого детства ярким проблеском памяти об открывшейся ребёнку иконе – образе Божиим. Будьте, как дети? – пожалуй, не стану воздыхать о детстве, как о рае утраченном.

Дерзну ли? То, что хотел бы и, кажется, мог бы сказать – совсем не дополнение к уже сказанному прежде меня другими. Ни в коем случае не Бого – словие, не опыт новой экзегетики образа, не апологетика, - о сем изречено довольно и закончено ещё святым Иоанном Дамаскиным, отцами соборов, выстрадано, выношено, полито кровью и утверждено во веки веков. То, чему хочется излиться словами совсем не скрупулёзный рациональный анализ, не таинственный синтез смыслов, рождающий истину от Истины. Не скрупулёзное прослеживание знаков, символов, начертаний, взаимовлияний, технологических приёмов, канонов и правил... Да не изольётся сего от меня! Подобных трудов и писаний более, чем достаточно. Но, как видится, рациональные отражения и исследования при самом глубоком почтении и уважении к ним, не привносят близости образа и ведения его в мир нынешний... Довелось встречать у простодушных мастеров иконописцев настороженно – недоверчивое неприятие рациональных писаний и речений, зачастую очень профессиональных, обоснованных и отстранённых. Слово «искусствовед» изрекалось ими, как чуть не ругательное, обидное, обличающее чужого. Чуждого, который, силится объять, присвоить и об-яснить, то, что ясно и так имеющим небезразличное сердце и внимательные очи в нём.

Дерзну ли высказаться и не исказив образа выстроить некую нить-пуговину живой связи с ним в слове, умеривая приступы бусловия. Быть может, единственное, что смогу по существу говорить об иконе, - прости, Господи, - но это будут слова о себе самом, о том, как порою гадательно отзывается, открывается образ мне. Как пробуждается, прорастает внутри меня, предстоящего, раскрывается, проясняется, будто вмещает в себя и оживляет, пробуждает сокровенное дотоле, извлекает из-под спуда обыденности, одаривает неведомыми о - смыслениями, у - дивляет, вос - хищает, вос- торгает, зазоривает, как свечку. И, как знать, может стать, высказанное станет кому-то нужным, чтобы затеплить и свой фитилёк.

И всё же смогу ли, дерзнув, покусившись, поведать о том, как в образе Божиим для меня, грешного, как бы приподнималась завеса, сокрывавшая неведомое, как

приоткрывались смыслы, обжигающие, томящие, терзающие, хлёсткие, обличающие, вразумляющие и целительные... Пусть скажут, что это фантазия. Но для меня новая реальность исходила через окна образов помимо моего знания об их устройении, технике создания и многом другом, очень важном. Так, например, обжегшись однажды о Ярое Око, всем своим существом совершенно понял, быть может верно, отчего наши предки взяли в толк и приняли в практику нелепое и необъяснимое благочестивое обыкновение закрывать, заковывать иконы в ризы. Облачать их бездушным золотом, воинственной медью, украшать самоцветами (светящими самим себе), поливать жемчугами и перламутрами, обрамлять басмой, прятать за завесами... При этом вколачивать безжалостные гвозди, крепящие ризы – парадные латы прямо в иконную роскрышь, прямо в плоть, - чем не стрелы суздальцев в лик Знамения Новгородского, не копьё или меч - в лик Иверской, жестокий нож безумца – в лик Ватопедской Закланной («Эсфагмени»)... Как вошло в обыденность сокрывать от прямого контакта, связи собственно – образ, обжигающий в своей откровенной искренности. Быть может, чем более отдалялись люди живущие от полноты, открывающейся в иконе, тем стыдливее и настойчивее разделяли они себя с ним средствами внешнего почитания и благочестия – ризой. Вначале, надевали – обряжали на время, - пока не пост, пока не праздник, пока грешим и радуемся. Позднее и вовсе не снимали, приколачивая насмерть, прямо в пламенную роскрышь цвета, обрамляя, о-пределивая его, защищаясь от него, окованного. Отдаляя и затемняя от себя это окно в мир иной, в мир не от мира сего, можно было оставить себе пространство облегчённое, пути широкие и свободные, - за пределами входа в рай затворённый. Этаким пир – после усекновения главы Иоанновой, - пир хмельной и вкусный, в отделённости и успокоенности грехом, оправданным внешним благолепием. Так увиделась риза – однажды.

От повседневного быта, диктовавшего своё, всё более изнывающего в своей неотступной дихтомии нам остались благочестивые присказки – причитания, наподобие «хоть святых выноси». Забытое обыкновение благочестивых семейств: в пору супружеской близости задёргивать иконы на ночь шторками. Будто видимое напоминание о несовместности, не при-личия совершающегося в виду образов, внемлющих внимательно и пребывающих неотступно. Закуём икону басмой, оставим лики, возрадуемся затемнению их под олифой, заточим в ризы, осыпем жемчугами, да самоцветами, затворим шторами и ширмами, отделим от себя образ, огонь поядающий... и заживём в разделении – спокойнее, свое-вольно. И в самоотступлении не озаботимся отчуждением, потемнением лика, записью чуждой новомодной традиции, подрумянками на ликах весёленькими, иконами писанными под оклад, вообще без пространства раскрытого цвета, без пространства иконного, подешевле... и далее в разделённости примем вдруг близкое своему состоянию – возрожденческие мотивы, исполненные вполне провинциально, примем литографии в красном углу... И утратим вообще всякую связь с образом, открывающимся своими окнами. Оградим и мир, и себя в нём от этих окон, упокоимся внешним благолепием искрящимся, отражающим в гранях бездушных камней один только тленный свет мира сего и не впускающий, затемняющий, отторгающий от себя даже проблески мира иного. Так продолжалось и утверждало себя отступничество от образа, входило в норму и в обыкновение. Можно бы назвать это отступление новым иконоборчеством, тайным и коварным, когда иконы – образы поругались неявно, не через открытую борьбу, надругательство, низвержение и запрет (в открытом противоборстве у

сынов противления тогда ещё не было шансов), но через коварную подмену образа Божиего чем-то иным. По крайней мере – образом мира, образом самого человека и греха в нём.

Риза и образ Божий. Но как, ощущая в ризах видимое охлаждение, отступничество и утрату живой связи, не воздать должное, не восплакать, радуясь и обращению, возвращению хоть бы дарами к образу – иконе. Когда подносившие, будто не ведали уже, чем проявить себя, как молиться в благодарности, в радости о произошедшем чуде, в покаянии и смирении. Как исполнить малое и неисполнимое: «сыне, дай мне своё сердце», – прилагали к образу ризу, как приношение. Крестики нательные и амулеты – как видимую брагодарность при утрате живого взаимопроникновения. Дары благочестия чудотворным иконам как бы оземляли образ, одаривая небо приношениями земными. Более того, затворяя дарами этими небо – от себя. Свеча и лампада у иконы – уместны более, не претендуя на вечное зримое запечатление – над образом – знака – своей благодарности и радости. Свеча истает тихо, как сама жизнь, преданная в руки Божии, как отсвет образа, как деревянный крест над ветшающим холмом...

Но, полно, довольно уже об этом. Хочется высказаться об ином. О том, что в тот момент, быть может вполне протяжённый во времени или на шкале вертикали в истории, когда жить в переменчивом, обез-славленном без-образном мире становилось совсем уж несносно, погибельно, образ Божий сам начал приоткрывать себя понемногу. Он начал проявляться из под записей, проскребаться в осознание жаждущим и алчущим, как благотворное вожденное исцеление разрозненного, расчленённого, развенчанного огреховленного состояния человеческого. Неведомым промыслом и путями неисповедимыми образ сам исходил из небытия в момент небывалого исторического трагизма и крушения Отечества земного. Падали, ниспровергались святыни и торжествовали на руинах порушенных церковей союзы безбожные. Как именно, почему тогда записи икон исчезали, изживались, будто очищались образы Божии жертвенной кровью новомучеников. Рушилось Отечество, ниспровергалась Церковь, но не поругаем Господь. И образ Его – восставал из под спуда чуждых наслоений, очищался от наносного, возвышался над руинами. Неведомо как, образ – сам – обращает к себе сердца и руки горячих своих труженников – восстановителей – реставраторов и заинтересовавшихся праздных зевак, и высоколобых исследователей и страждущих простолюдинов. Он понуждает остановиться и опамятоваться пред собой случайных прохожих, праздных профанов, неведомо как сознающих, будто бы вдруг, что Истина, Сам Бог осязаемый сквозит, лучится благодатию именно тут. Сними только сам, хоть немного, ризу с души своей, басму с глаз, отдери их, если надо с гвоздями и кровью и отринь прочь... - и встретишься, и сам увидишь, и услышишь даже, и восчувствуешь неведомо чем, внутри живущим, и всей полнотою души своей припасть сможешь. И образ Божий от икон Господних сам живо пробуждается в глубинах сердечных, переполняет их и приоткрывает уста желанием рассказать о том, поведать. Так приоткрыл образ себя немного и мне, грешному, влюбил в себя, прилепил, приохотил к себе неотлучно. Не сразу, но постепенно, осторожно и бережно привлекая к себе в обычном житейском течении. Удивлял нечаянными встречами – вспышками, озаряющими будто. И сам ли я того желаю теперь? Он ли требует от меня – немножечко, в меру сил, - рассказать об этом? Зачем? А там, как знать? Пред-угадать и распознать явственно не дано. Может

быть, на то – воля Господня, и от моего чахлого огонька разума затеплится ещё чей-то. Ничего нового – необычного, чудо – обыкновенное, обступающее вокруг.

Дерзну ли? Не подъять малого труда сего о великом. И не помыслить о том самому. Но считаю благословением на труды великое чудо, осенившее мой малый и неприметный быт, когда нечаянно – нежданно из суетной толчеи города, из недр его очутился в храме Третьяковки. Первая непредвиденная встреча с Владимирской – лицом к Лику – случилась именно в день Её почитания. В самом центре Москвы, в праздник всероссийской святыни – покровительницы города к удивлению и сожалению некоторому без сутолоки благоговейной толчеи, можно было подойти к Ней... Эту встречу считаю великим событием для малого – себя и благословением со смирением высказать выношенное и созревшее. И так просил бы не судить слишком.

Словом себя осеню
Благословлю позём
Слякоть моих глаз
Глину моих костей
Топь под ногами – всю
Скалы небесных сёл
Жестоковых – нас
Лакуны сжатых горстей.